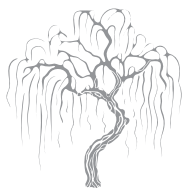

ЭЛИЗАБЕТ ФОН АРНИМ

Вера

Москва

УДК 821.111.-31
ББК 84(4Вел)-44
А84

Elizabeth von Arnim
VERA

Перевод с английского *Влада Чарного*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Арним, Элизабет фон.
А84 Вера / Элизабет фон Арним. — Москва : Эксмо,
2025. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-215877-3

Элизабет фон Арним — британская писательница австралийского происхождения, известная своими остроумными и лиричными произведениями о жизни женщин в Викторианскую и Эдвардианскую эпохи.

«Вера» — отчасти автобиографический роман, вдохновлённый её собственным браком. Это история молодой женщины Люси, которая выходит замуж за вдовца Эверарда. Вскоре Люси осознаёт, что её брак — это ловушка, где её муж бессознательно сравнивает её с призраком умершей Веры. Фон Арним создаёт гнетущую атмосферу, где дом становится метафорой психологического угнетения, а образ Веры — наваждением, от которого невозможно избавиться.

УДК 821.111.-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-215877-3

© Чарный В., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

I

Когда доктор ушел, и две деревенские женщины, которых он ждал, поднялись наверх и закрылись в комнате с ее покойным отцом, Люси вышла в сад и, прислонившись к калитке, уставилась на море.

Ее отец умер в девять утра, а сейчас было уже двенадцать. Солнце палило ее непокрытую голову; выжженная трава на краю обрыва, запыленная дорога у калитки, мерцающее море и редкие белые облака на небе — все пылало и сверкало в безмолвной, бездвижной бесконечности света и жары.

Люси смотрела в эту пустоту, застывшая, словно высеченная из камня. На море не было ни единого паруса, на горизонте не тянулся дым от далекого парохода, в небе не мелькали птичьи крылья. Казалось, что все, что способно двигаться, обратилось в камень. Дремота сковала все звуки вокруг.

Люси смотрела на море, и ее лицо было таким же пустым, как яркий безжизненный мир перед ней. Вот уже три часа как умер ее отец, а она совершенно ничего не чувствовала.

Всего неделю назад они с отцом, полные надежд, приехали в Корнуолл, радуясь милому меблированному домику, который сняли на август и сентябрь, уверенные, что чистый воздух пойдет ему на пользу. Уверенность никогда их не покидала — за все долгие годы его болезни они всегда были полны уве-

ренности. Он всегда был таким хрупким, и она заботилась о нем. Заботилась о нем, таком болезненном, столько, сколько себя помнила. И с тех пор, как она себя помнила, он значил для нее все. С тех пор как она выросла, лишь ее отец занимал ее мысли. Для других мыслей места не оставалось — лишь мыслями о нем наполнилось ее сердце. Они все делали вместе, у них была общая доля на двоих, они вместе избегали зим, вместе селились в очаровательных местах, вместе любовались прекрасным, вместе читали книги, беседовали, смеялись, обзаводились друзьями — друзей у них была целая куча; куда бы они ни приехали, отец мгновенно находил новых, добавляя их к уже имеющимся. Она не разлучалась с ним ни на день; она не желала разлучаться с ним. Где и с кем могла бы она быть такой счастливой? Все их годы были годами, полными радости. Не было зим — одно лишь лето, бесконечное лето, сладостные ароматы, безмятежные небеса — как терпеливо он мирился с ее нерасторопностью, каким живым был его ум! — и любовь. Он был для нее самым остроумным собеседником, щедрейшим из друзей, красноречивейшим из наставников, боготворимым отцом, и вот его не стало, и она ничего не чувствовала.

Ее отец. Мертв. Навсегда.

Она повторяла эти слова про себя. Они ничего не значили.

Она останется одна. Без него. Навсегда.

Она вновь повторила эти слова. Они по-прежнему ничего не значили.

Там, в комнате с запахнутыми окнами, куда ее не пускали женщины из деревни, лежало его безжизненное тело. В последний раз он улыбнулся ей,

сказал все, что мог, назвал одним из тех ласково-насмешливых имен, что любил для нее придумывать. Всего несколько часов назад они завтракали вместе и строили планы на день. Вчера после чая они вместе ехали навстречу закату, и его зоркие глаза, всегда подмечавшие все интересное вокруг, заметили у дороги какие-то необычные травы, и он остановился, собрал их, взволнованный столь редкой находкой, привез домой, чтобы их изучить, рассказал ей про них, заставив увидеть нечто удивительно интересное и важное в этих травах, до этого казавшихся ей самыми обыкновенными травами. Так было со всем, чего он касался, — он вдыхал в это жизнь и радость. Теперь эти травы лежали в столовой, разложенные на промокашке у окна там, где он их оставил, ждали когда он ими займется. Она видела их, проходя в сад; видела и неубранный завтрак — они завтракали вместе, и он все еще был там, забытый прислугой когда смерть застала их врасплох. Он упал, вставая из-за стола. Умер. Мгновенно. Не было ни крика, ни взгляда. Все. Конец. Его не стало.

Какой прекрасный день, и какой жаркий. Он любил жару. Им повезло с погодой...

Да, звуки все же были — она вдруг услышала их: звуки в комнате наверху, осторожные шаги, плеск воды, тихий звон переставляемой посуды. Скоро женщины скажут, что все готово, и она сможет вернуться к нему. Они пытались утешить ее, когда пришли, и слуги, и доктор тоже. Утешить! А она ничего не чувствовала.

Люси смотрела на море, думая обо всем этом, разбирая происходящее как нечто любопытное, но не касающееся ее, с холодным пониманием. Ее разум

был совершенно чист. Каждая деталь случившегося отчетливо стояла перед ней. Она все знала и ничего не чувствовала — как Бог, подумала она. Да, в точности как Бог.

На дороге, скрытой деревьями и кустами сада на пятьдесят ярдов в обе стороны от калитки, слышались шаги, и вот между ней и морем прошел человек. Она не заметила его, так как не замечала ничего, кроме собственных мыслей, и он прошел совсем рядом, а затем исчез.

Но он увидел ее в тот миг, когда поравнялся с ней, минуя калитку, и на мгновение застыл. Его поразило то, каким было ее лицо. Он не отличался наблюдательностью, а в тот миг вообще не замечал ничего вокруг, чересчур поглощенный своими делами. Однако внезапно наткнувшись на неподвижную фигуру у калитки с широко открытыми глазами, которые смотрели сквозь него, не замечая ни его, ни того, что кто-то прошел мимо, он отвлекся от самосозерцания и даже чуть было не остановился, чтобы разглядеть это удивительное создание. Однако его собственный кодекс чести не позволил ему сделать это, и он прошел еще пятьдесят ярдов, где кусты и деревья отделяли другую половину сада от дороги, но шаг его становился все медленнее, медленнее и медленнее, пока наконец у самого края сада, где дорога в одиночестве убегала дальше, петляя по траве на холмах вдоль берега, вниз и вверх, покуда хватало глаз, он не остановился, оглянулся, прошел еще пару шагов, снова замешкался, снял шляпу, вытер лоб, посмотрел на пустынную даль и длинную сверкающую змею дороги, а затем медленно развернулся и пошел обратно к калитке.

«Боже, как я одинок, — думал он, шагая. — Это невыносимо. Надо поговорить с кем-нибудь. Я так с ума сойду...»

Ибо этого человека — его звали Уимс — общественное мнение заставило удалиться от дел как раз тогда, когда ему больше всего нужны были общество и отвлечение. Ему пришлось уехать одному, расстаться со своей привычной жизнью минимум на неделю, покинуть свой дом на берегу реки, где только начался его летний отдых, уехать из Лондона, где хотя бы были клубы, — все из-за того, что общественность считала необходимым, что следует некоторое время побыть одному, чтобы избыть свое горе. Остаться наедине с горем — что может быть ужасней для человека? Он считал это пыткой, жесточайшей формой одиночного заключения. Он приехал в Корнуолл, потому что сюда долго ехать — целый день поездом туда и целый день обратно, сокращая неделю, минимальный срок, который общество отводило для соблюдения приличий. Но оставалось еще пять дней ужасающего одиночества, блужданий по скалам в попытках ни о чем не думать, без единой души, которой можно было бы открыться, без дела. Из-за этих «приличий» он не мог даже играть в бридж. Все знали, что с ним случилось. Об этом написали во всех газетах. Стоило ему назвать свое имя — и все было ясно. Это случилось так недавно. Еще на прошлой неделе...

Нет, это было невыносимо, ему необходимо поговорить хоть с кем-нибудь. Та девушка — со странным взглядом — явно не была обычной. Она будет не против того, чтобы с ним поболтать, немного посидеть в саду. Она поймет.

Уимс горевал, словно дитя. Он едва не расплакался, подойдя к калитке и сняв шляпу, когда девушка

установилась на него все тем же пустым взглядом, как будто все еще не замечала ни его самого, ни его слов, обращенных к ней:

— Не могли бы вы дать мне стакан воды? Я... так жарко...

Он запнулся под ее взглядом.

— Мне ужасно хочется пить... эта жара...

Он достал платок, вытер лоб. Он действительно выглядел измученным жарой: красное, растерянное лицо, капли пота на лбу. Он сморщился, как несчастный ребенок. А девушка казалась такой холодной, словно обескровленной. Ее руки, покоившиеся на перекладине калитки, выглядели не просто холодными — они казались ледяными, съжившимися от зимнего холода. Ее волосы были коротко острижены, так что нельзя было угадать, сколько ей лет — каштановые волосы, на солнце отливавшие золотом; ее маленькое лицо было бесцветным, кроме этих широко открытых глаз и довольно крупного рта — но даже ее губы казались замерзшими.

— Если это не слишком затруднит вас... — начал Уимс снова, но тут его переполнило отчаяние.

— Вы окажете мне куда большую услугу, чем думаете, — проговорил он, и голос его задрожал от горя, — если позволите зайти в сад на минуту, отдохнуть.

От искренней муки, слышавшейся в его голосе, пустые глаза Люси несколько оживились. До ее сознания дошло, что этот растерянный, страдающий от жары незнакомец о чем-то просит ее.

— Вам так жарко? — спросила она, впервые по-настоящему увидев его.

— Да, жарко, — сказал Уимс. — Но не в этом дело. Со мной случилось несчастье... ужасное несчастье...

Он умолк, подавленный воспоминаниями, несправедливостью обрушившегося на него кошмара.

— О, мне жаль, — глухо сказала Люси, все еще далекая от него, с глубоким безразличием. — Вы что-то потеряли?

— Боже правый, дело не в этом! — воскликнул Уимс. — Позвольте мне зайти... в сад... всего на минуту, посидеть с живым человеком. Это будет великой милостью. Вы ведь чужая — я могу рассказать вам, если позволите. Именно потому, что мы незнакомы. Я не говорил ни с кем, кроме слуг и чиновников, с тех пор как... это случилось. Два дня — ни слова с живой душой... Я сойду с ума...

Его голос снова дрогнул от горя, от поражения перед собственным несчастьем.

Люси не считала два дня без общения чем-то необычным, но в отчаянии незнакомца было что-то заставляющее выйти из оцепенения. Не насовсем — она все еще наблюдала за ним из другого мира, отстраненно, но теперь хотя бы видела его, и даже с некоторым любопытством. Он был подобен стихии в своей прямоте. Было в нем что-то, напоминавшее неодолимое явление природы. Но она не сдвинулась с места, и по-прежнему неуклонно смотрела ему прямо в глаза.

— Я бы с радостью впустила вас... если бы вы пришли вчера. Но сегодня умер мой отец.

Уимс изумленно уставился на нее. Ее слова прозвучали настолько ровно и буднично, словно она говорила о погоде.

Тут его осенило. Его собственное горе озарило его. Он, никогда не знавший боли, не позволявший себе волнений, не допуская сомнений, последние семь дней жил, страдая и мучаясь — и если бы задумался над этим, мог бы стать жертвой несправедливых, поистине невыносимых, мучительных сомнений. Он понял то, чего не сумел бы понять неделю назад: что значил ее облик, ее оцепенение. С мгновение он смотрел прямо на нее, а она — прямо на него, и вдруг его большие теплые руки накрыли ее холодные руки, лежавшие на калитке.

— Так вот в чем дело, — сказал он, крепко сжимая ее руки, хотя она и не пыталась их высвободить. — Теперь я понимаю. Я все понимаю.

А затем добавил с простотой, которую его собственное горе вкладывало теперь во все его слова:

— Значит, решено. Нам, двум несчастным, надо поговорить.

И, не отнимая одной руки, другой он открыл калитку и вошел в сад.

II

Под тутовым деревом на лужайке стояла скамья — спиной к дому и его зияющим окнам, и Уимс заметил ее и, словно ребенка, взял Люси за руку и подвел к ней.

Она покорно последовала за ним. Какая ей разница, стоять у калитки или сидеть под деревом? Этот сраженный горем незнакомец — реален ли он? Да и реально ли вообще что-то сейчас?

Пусть говорит все, что хочет, она выслушает его, принесет воды, а потом он уйдет, и к тому времени

женщины наверху закончат, и она сможет вернуться к отцу.

— Я принесу воды, — сказала она, когда они подошли к скамье.

— Нет. Садитесь, — сказал Уимс.

Она села. Он тоже сел, отпустив ее руку. Ладонь бессильно упала на скамью между ними.

— Странно, что мы встретились именно так, — проговорил он, глядя на нее, а она равнодушно уставилась на освещенную солнцем траву за тенью тутового дерева, на гигантские кусты фуксии поодаль. — Я прошел через ад — и вы, наверное, тоже. Боже милосердный, и какой ад! Вы ведь не будете против, если я вам расскажу? Вы поймете, ведь и вы тоже...

Люси была не против. Ей было совершенно все равно. Она лишь смутно удивилась, что он считает, будто она пережила ад. Ад и ее дорогой отец — какое странное сочетание. Она начала подозревать, что спит. Все это ненастоящее. Отец не умер. Сейчас придет горничная, принесет горячую воду и разбудит ее обычным радостным утром. Человек, сидящий рядом, — слишком уж четкий для сна: покрасневшее лицо, мокрый от пота лоб, чувство тепла, исходившее от его большой руки, накрывшей ее руку мгновение назад, и даже легкие облачка жара, исходившие от его одежды, когда он двигался. Но все это было так невероятно... Все, что случилось после завтрака, просто не укладывалось в ее голове. И этот человек скоро окажется просто следствием вчерашнего ужина, а за завтраком она расскажет отцу про то, что ей приснилось, и они посмеются.

Она спокойно пошевелилась. Это не было сном. Это было реальностью.

— История невероятно ужасна, — необычайно печальным голосом произнес Уимс, разглядывая ее головку с ровно подстриженными волосами и строгий профиль. Сколько ей? Восемнадцать? Двадцать восемь? С такой стрижкой трудно сказать наверняка, но в любом случае она молода по сравнению с ним, ведь ему было уже хорошо за сорок, и он был сломлен, совершенно сломлен обрушившимся на него кошмаром.

— Настолько ужасна, что я бы не стал говорить, если б вы могли расстроиться, — продолжал он, — но вы ведь чужая, и, возможно, это поможет вам с вашим горем, потому что, что бы вы ни пережили, я страдаю куда сильнее, и тогда ваше горе покажется не таким уж тяжким. Да и мне необходимо выговориться, иначе я сойду с ума...

«Это точно сон», — подумала Люси. Наяву так не бывает — это же полный абсурд.

Она повернула голову и посмотрела на него. Нет, не сон. Ни один сон не мог быть таким осязаемым, как этот человек. Что он говорит?

Он мучительно выговорил, что его зовут Уимс.

— Вы — Уимс, — мрачно повторила она.

Это не произвело на нее впечатления. Ей было все равно, Уимс он или нет.

— Тот самый Уимс, о котором на прошлой неделе писали во всех газетах, — сказал он, видя, что имя ничего ей не говорит. — Боже, — он снова вытер лоб, но на нем вновь выступили капли пота, — каково видеть свое имя на первых полосах повсюду!

— Почему ваше имя было в газетах? — спросила Люси.

Ей не хотелось знать; она задала вопрос машинально, прислушиваясь только к звукам, доносившимся из открытых окон комнаты наверху.

— Вы здесь что, не читаете газет? — ответил он вопросом на вопрос.

— Кажется, нет, — сказала она, прислушиваясь. — Мы только обустроивались. Кажется, даже еще не успели их выписать.

На лице Уимса появилось выражение облегчения — по крайней мере, от части того напряжения, в котором он, очевидно, пребывал.

— Тогда я могу рассказать вам правду, — сказал он, — без тех чудовищных намеков, которые звучали на следствии. Как будто мне и так недостаточно пришлось выстрадать! Как будто то, что случилось, уже само по себе не было ужасным...

— Следствие? — переспросила Люси. Она снова повернулась к нему. — Ваше горе связано со смертью?

— А разве вы не понимаете, что лишь это могло привести меня в такое состояние?

— О, мне жаль, — сказала она, и в ее глазах и голосе появилось что-то живое, что-то мягкое. — Надеюсь, это не был кто-то, кого вы... любили?

— Это была моя жена, — сказал Уимс.

Он резко встал — при мысли об этом, обо всех перенесенных страданиях, у него едва не брызнули слезы, — отвернулся и начал обрывать листья с ветвей над головой.

Люси следила за ним, слегка наклонившись вперед.

— Расскажите, как это случилось, — тихо сказала она через мгновение.

Он вернулся и тяжело опустился рядом, и, то и дело восклицая, как такое ужасное несчастье могло случиться с ним, с тем, кто до сих пор никогда...

— Да, — понимающе и серьезно сказала Люси, — да, я знаю...

...никогда не сталкивался — ну, с несчастьями, — и он рассказал ей, как все было.

Они уехали, он и его жена, как делали каждое 25 июля, на лето в свой дом у реки, и он с нетерпением ждал безмятежного безделья после месяцев, проведенных в Лондоне, — просто валяться в ялике, читать, курить, отдыхать — в таком месте, как Лондон, ужасно выматываешься, — и не успели они пробыть там и суток, как его жена... как его жена...

Воспоминание было слишком мучительным. Он не мог продолжать.

— Она была... очень больна? — тихо спросила Люси, давая ему время прийти в себя. — Думаю, так было бы хоть немного легче. Позволило бы хоть немного подготовиться...

— Она вообще ничем не болела! — воскликнул Уимс. — Она просто... умерла.

— О! Как мой отец! — вскрикнула Люси, теперь полностью оживившись. Теперь она накрыла его руку своей.

Уимс схватил ее руку и быстро заговорил.

Он писал письма, сказал он, в библиотеке, за столом у окна, с видом на террасу, сад и реку; всего час назад они пили чай; вдоль этой стороны дома, где были библиотека и главные комнаты, шла выложенная плитами терраса; и вдруг между ним и светом мелькнула огромная тень — всего на мгновение, и тут же исчезла; и в тот же миг раздался глухой

удар; он никогда не забудет этот звук; и там, за окном, на плитах...

— О, нет... о нет... — простонала Люси.

— Это была моя жена, — торопливо продолжал Уимс, не в силах остановиться, глядя на Люси глазами, полными ужаса. — Она упала из верхней комнаты дома — та служила ей гостиной, так как оттуда открывался красивый вид — прямо напротив окна библиотеки — она пролетела мимо моего окна, как камень... она разбилась... разбилась...

— О, нет... о...

— Теперь вы понимаете, в каком я состоянии? — воскликнул он. — Понимаете, почему я почти сошел с ума? И вынужден быть один — вынужден соблюдать приличия, как того требует общество, и не могу ни о чем думать, кроме этого ужасного следствия.

Он с такой силой сжал ее руку, что ей стало больно.

— Если бы вы не позволили мне прийти и поговорить с вами, — сказал он, — я бы, кажется, сегодня бросился с того утеса и покончил со всем этим.

— Но как... но почему.. как она могла упасть? — прошептала Люси, для которой несчастье бедного Уимса казалось страшнее всего, что она слышала.

Она ловила каждое его слово, глаза ее были прикованы к его лицу, губы раскрылись, все ее тело содрогалось в порыве сочувствия. Такова жизнь... как это было страшно и как неожиданно. Идешь себе, идешь, и не подозреваешь, что настанет внезапный ужасный день, когда покровы спадут и окажется, что все это время рядом была смерть, смерть притворяющаяся, смерть выжидающая. Ее отец,